

Евг. Бермонт

Бедный Гольдони!

В квартире драматурга горел яркий свет. Стояла та трепетная тишина, которую так любят музы. Происходило великое таинство художественного творчества.

Сам драматург сидел в кресле перед высокой стойкой книги.

— Помни, — говорил он жене, озабоченно хмурясь и ероша волосы, — что Гольдони перевела ты. И «Слугу двух господ» и «Трактирщицу».

Жена покорно соглашалась.

— Хорошо, Коля. Только с какого языка я их перевела? Знаешь, — вдруг спросит...

— С итальянского.

— С итальянского? — Жена посмотрела на него с нескрываемым ужасом.

— Ну, да! Не с мордовского же переводить Гольдони!.. Ты — заруби у себя на носу — в совершенстве знаешь старинный венецианский диалект. У тебя тетка догаресса... В общем ты перевела Гольдони. И «Мадам Сан-Жен» тоже ты.

— Также с венецианского?!

— Да, нет! С французского. «Мадам с камелиями» я возьму на себя... Жена удивилась.

— Но ты же совсем не знаешь французского языка?

— А ты знаешь венецианский?... Кроме того я не перевожу, а делаю «русский текст». Для того, чтобы сделать «русский текст», французского языка знать не надо. Да и русский не очень необходим. Есть старые переводы. Излагай их своими словами. У меня в «Слугах двух господ» один венецианец говорит другому: «Ловкость ног и никакого мошенства». Кто еще может так осовременить Гольдони? А?

Жена задумалась. Драматург некоторое время молча перебирал книги. Вокруг его чела кружились и жужжали жуликоватые музы.

— Шиллера мы уже освоили. Кто еще остался? Островский. Очень жаль, что нельзя ему сделать русского текста. Столько тонора пропадает!

— А ты бы его инсценировал, как Пушкина.

Драматург развел руками.

— Сам уже инсценировался. Если бы он хоть в стихах писал — можно было бы сделать прозаический текст. А так, как с козла молока...

Чувствую, что читатель уже жаждет имен. Раскройте, мол, псевдонимы. Кто этот драматург, переводящий старые переводы? Что это за литератор, с исключительной легкостью берущийся снабжать «русскими текстами» Гольдони и Дюма, автора «Коварства и любви» и автора «Мадам Сан-Жен»?

Честное слово, псевдоним раскрыть не так просто. Вот она стопка книг, лежащая перед нашим драматургом: Шиллер «Коварство и любовь» — перевод Тихомировой, «Мадам Сан-Жен» — перевод Поляковой, Гольдони «Слуга двух господ» — русский текст Зайцева, Гольдони «Трактирщица» — перевод Поляковой, Дюма «Дама с камелиями» — переработка Зайцева, «Разбойники» Шиллера — перевод Тихомировой...

Все, как будто ясно. Незаметные труженики пера создают культурные ценности на переводческом участке драматургического фронта.

Но если взглянуть затем в платежные ведомости Управления по охране авторских прав, туман сгустится. Дымовая завеса окутает незаметных тружеников и их участок. Дело в том, что за Фридриха Шиллера гонорар получает Николай Архипов. Так как Шиллер вряд ли передал ему авторские права по духовному завещанию, то возникает вопрос — за что? Почему именно на счет Архипова перечисляют проценты и за Гольдони, и за «Даму с камелиями», и за «Мадам Сан-Жен», и еще за многое то, что написано кем угодно, но только не им?

То, что мертвые драматурги молчат, это понятно. У них нет своего групкома. Но живые? Где Полякова? Где Тихомирова? Где Зайцев? Где все

эти творцы русских текстов, знатоки венецианского диалекта, немецкого языка, французской речи?..

Ларчик открывается очень просто. Тихомирова — это жена Зайцева. Полякова — псевдоним Тихомировой. А Зайцев это и есть Николай Архипов. Круг сомкнулся.

Разрешите же его разомкнуть. Архипов как человек ловкий и коммерческий создал уже довольно давно небольшой, но прибыльный шиллер-трест. Последний был организован с производственной целью эксплуатация естественных драматургических богатств и естественной глупости руководителей Цедрама.

Творческий метод архиповского и ему подобных шиллер-трестов весьма сложен. Берется какая-нибудь холодная пьеса. Снабжается «новым текстом», состриганным из старых переводов, безграмотных подстрочников и собственных домислов. Спешно доставляется в Цедрам на предмет тиснения и распространения.

В Цедраме даже не размышляют о том, зачем, скажем, нужен новый текст к «Мадам Сан-Жен»? К чему издавать макулатурный перевод Гольдони, когда, например, «Слуга двух господ» имеет уже пять переводов, в том числе и новый перевод знатока итальянской драматургии Дживелего, изданный «Академией»...

«Новые тексты» энергично издаются и энергично распространяются. Гольдони предстает перед советским зрителем пошлым скетчистом, Шиллер — нудным и безграмотным сочинителем. Зайце-поляково-тихомиро-архиповскую дульно-переводческую мастерскую оие не заботит. Текли бы денюжки! А они текут уже долго и обильно. За первый квартал этого года только на счет самого Архипова (а есть еще и счет жены) пришло больше десяти тысяч рублей. Как говорят венецианцы — «Ловкость ног и никакого мошенства»...

Недавно секция драматургов передала на экспертизу творения архиповского треста.

Вот как начинается свой обемистый разбор один из авторитетных экспертов:

— Конечно, великий комедиограф (речь идет о Гольдони. — Евг. Б.) не мог предвидеть, что через двести лет найдутся люди, которые в целях наживы превратят великолепную его комедию в безграмотный фарс.

А вот и общий вывод:

— «Русский текст» Зайцева (Поляковой, Тихомировой, Архипова то ж!) «Слуга двух господ» представляет собой не что иное, как грубейший пересказ безграмотного перевода, настолько искажающий содержание комедии, что для примеров понадобилось бы написать работу, которая заняла бы больше места, чем сама комедия.

Эксперт приводит бесчисленные примеры красот могучего архиповского языка. Увы, место не позволяет повеселить ими читателя. Все-таки одним перлом хочется поделиться. Вот, например, как итальянский кавалер XVII века изливает свои чувства юной сеньорите:

— Вы так прекрасны, что я согласен выбросить на помойку это доброе клянтье...

Какой великолепный венецианско-жактовский диалект! Бедный Гольдони...

На этом, собственно говоря, можно поставить точку. Лучше даже восклицательный знак. А вернее — вопросительный. Жирный вопросительный знак, который должен, как немой укор, встать перед «духовными» глазами руководителей секции и группкома драматургов, Управления авторских прав, Цедрама и всех тех, которые допустили существование архиповских и других шиллер-и шулер-трестов...

После Шершеневича, Архипов! Не слишком ли много?